

же слова из неравносложных форм, который соответствовал конкретному стиху.

Лишенные стилистической окрашенности в произведениях разных жанров, эти единицы во второй половине XVIII в. постепенно становятся приметой высокого стиля. Так, например, в языке произведения Г.Р. Державина такие единицы функционируют довольно активно: *стремленья водоточны, лучи животворящи, благодарны слезы, белолика зима, осень златовласа, черно-багрова буря, Колхида златорунна, грудь краснобела, бело-румяны персты* и многие другие. Определять данные единицы как сложные прилагательные в краткой форме неоправданно, так как в их составе мы можем наблюдать как качественные прилагательные, так и относительные. Логичнее было бы называть их усеченными. Для языка классицизма употребление сложные эпитетов, выраженных усеченными прилагательными, – явление достаточно типичное. Все эти и подобные им единицы в художественном тексте выполняют функцию определения, придавая объекту эпитетации стилистическую маркированность.

Таким образом, сложный эпитет в языке литературы XVIII в. играет существенную роль. Он становится жанровой приметой языка поэзии. Сложный эпитет еще не является стилевой приметой языковой личности, однако именно в XVIII в. уже наметились определенные индивидуально-авторские тенденции в его использовании.

УДК 81' 373

Шихова Т.М.

ЭВРИСЕМИЧНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ: ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ*

Аннотация: Предпринята попытка осмысления эврисемичности фразеологического значения как фразеосемантической категории. Рассмотрены особенности отражения эврисемичности в языке и речи на примере фразеологизма *запретный плод*. Особенности окказионального переосмысления исходного образа фразеологизма

- СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:**
1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – 252 с.
 2. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М., 1991. – 448 с.
 4. Гуковский Г. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в., Л, 1939. -
 3. Третьяков В.К. Письмо... от приятеля к приятелю (о сочинениях Сумарокова) // Сб. материалов для истории Императорской Академии Наук в XVIII веке. – СПб., 1865. – Ч. 2. – С. 456.

Т. Fadeeva

COMPOUND EPITHETS IN LANGUAGE OF WORKS OF CLASSICISTS

Abstract: The article is devoted to the consideration of structural peculiarities and functional sphere of compound epithets, which are the key words in the high style's genres of Russian Literature of the XVIII century. Author's approach is interesting to the interpretation of compound epithet's problem – the significant figure of classicism as a literature's tendency of the XVIII century, and also place establishment and role of the compound epithet in odic works of Russian Literature.

Key words: compound epithet, language of classicists, the ode genre, the truncated adjectives.

проанализированы на материале стихотворения М. Цветаевой «Сахара».

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологическое значение, эврисемичность, употребление, актуализация, исходный образ, внутренняя форма, переосмысление, окказиональное преобразование.

* © Шихова Т.М.

Вопрос о специфике значения фразеологизмов, начиная с 1964 года, когда был впервые предложен сам термин *фразеологическое значение*, является одним из центральных в лингвистике [4; 17; 27; 30; 16; 6; 19; 1; 25; 18; 22 и др.]. Высказывания об *эврисемичности* как одном из его отличительных признаков появляются в работах 90-х годов [2; 21; 24; 15 и др.]. Однако сам факт, что фразеологические единицы характеризуются широким, неконкретным значением, был отмечен еще В.В. Виноградовым. Немаловажно, что, по мнению ученого, эта особенность семантики фразеологизмов, является необходимым условием их функционирования, ибо «конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены» [12, 18]. Поэтому мы сочли целесообразным рассмотреть эврисемичность фразеологического значения в аспекте ее проявления в языке и речи.

Рассмотрение фактического материала предварим пояснениями основных теоретических положений, касающихся определения понятия *эврисемичность*.

Согласно нашей концепции, *эврисемичность* – это фразеосемантическая категория, представленная в системе языка оппозицией эврисемичных – неэврисемичных фразеологизмов, отличающихся характером соотносительности с действительностью и наличием/отсутствием разноплановых дифференциальных признаков.

Эврисемичность, таким образом, характеризует системное языковое значение фразеологизмов. Причем в системе языка представлены идиомы, демонстрирующие различные проявления этой фразеосемантической категории в зависимости от соотношения объема и содержания понятийного компонента фразеологического значения. Фразеологизмы, обозначающие понятия относительно узкого объема и содержания, составляют группу неэврисемичных единиц указанной выше категории (типа *заплечных дел мастер, морской волк, голубая кровь, барашек в бумажке, серебряная свадьба, дом терпимости* и др.). Фразеологизмы, обозначающие понятия относительно широкого объема и узкого содержания, входят в число идиом, эврисемичных по объему понятия (например: *себе дороже, бог знает кто, хоть бы кто, ваш брат, не бог весть что, злоба дня, стар и мал, чем бог*

послал, всякая всячина и др.). И, наконец, фразеологизмы, обозначающие понятия относительно узкого объема и широкого содержания, относятся к единицам, эврисемичным по содержанию понятия (*драная кошка, мышинный жеребчик, рай земной, куриные мозги, кровные деньги* и др.).

По нашим наблюдениям, в контекстах актуализируются основные и потенциальные семы как эврисемичных, так и неэврисемичных единиц. Известно, что актуализироваться может только системное значение и то, что свойственно единице в потенциале. Этот потенциал содержится в системе языка, то есть в структурно-семантических связях, и во внутренней форме фразеологизма. Заметим, что развитие эврисемичности связывают именно с особенностями фразеологического образа. Так, оценивая фразеологический образ как структурообразующую основу фразеологического значения, Ю.П. Солодуб подчеркивает, что «большая эксплицированность фразеологического образа (по сравнению с лексическим образом. – Т. III.), сложность внутренних отношений между его лексическими компонентами чаще расширяет не только коннотативные, но и номинативные возможности фразеологизма, делает значение фразеологизма эврисемичным» [24: 51].

Эврисемичные фразеологизмы обладают способностью актуализировать при употреблении разнообразные смысловые оттенки. Эта способность предопределяется соотношением с коммуникативной ситуацией, их коммуникативной значимостью. Приведем здесь высказывание Е.А. Добрыдневой: «Фразеологическая эврисемия порождается разными условиями контекстуальной реализации фразеологического значения и, шире, ситуативными обстоятельствами экспликации фразеологических смыслов, поскольку значение фразеологической единицы, закрепленное в системе языка, и ее смысл, актуализируемый и наращиваемый в конкретных ситуативно-контекстуальных условиях, являются видовыми конкретизаторами семантики в их диалектическом единстве [14: 264]. Особенностью эврисемичных фразеологизмов является также необходимость конкретизации их значения в различных коммуникативных актах.

Отмеченная специфика фразеологи-

ческого образа, а также немоделируемость, непрогнозируемость значения фразеологизмов в аспекте порождения [см.: 20] проявляется не только в особенностях узуально-го, но и окказионального их употребления. Далее рассмотрим особенности проявления эврисемичности фразеологического значения в языке и речи на примере фразеологизма *запретный плод*.

В ряде словарей толкование значения данного фразеологизма: 'Что-либо заманчивое, желанное, но недозволенное, запрещенное' [28: 320; см. также: 5: 127; 9: 540; 3: 290] отражает употребление фразеологизма в ситуациях межличностных отношений в социуме. Причем анализ контекстов XIX и XX–XXI вв. позволяет отметить расширение аспектов употребления указанного фразеологизма от ситуаций семейных и связанных с ними любовных отношений до различных социально значимых ситуаций, отражающих взаимоотношения «Лицо, группа лиц, коллектив и государство в виде его многообразных институтов». Причем в контекстах, отражающих современную речь, наблюдается расширение объема значения рассматриваемого фразеологизма. Его понятийное содержание охватывает уже не только смысловое пространство исхода *что*, но и исхода *кто* [см.: 31], то есть лицо или группу лиц, предмет, деятельность, ситуацию, которые являются недосыгаемыми или трудно доступными, могут быть связаны с риском или опасностью, что вызывает особое внимание и интерес, делает привлекательным, заманчивым и желанным для другого лица или для группы лиц. Надо думать, по этой причине в словаре под редакцией В.Н. Телия [10: 229] значение фразеологизма толкуется как 'недозволенный или недоступный' и приводится информация о типовых ситуациях употребления его в речи. Судя по контекстам, приведенным в данном словаре, *запретный плод* в современной речи – это, например, *книги* в ситуации, способствовавшей возникновению Самиздата; *вокально-инструментальные ансамбли*, которым не предоставлялись площадки для выступления, *управление автомобилем на большой скорости*, вопреки советам инструкторов; *ранний сексуальный опыт* в ситуации негативного к нему отношения в обществе; *дочь богатого и влиятельного человека* в ситуации материального и социально-

го расслоения общества; *запрещенный в открытом показе фильм*, полная версия которого имеется в российском Интернете и т.д. Очевидно, что приведенный перечень можно продолжать до бесконечности. Ср., в частности, примеры в другом словаре [3: 290–291], где *запретный плод* – это *наркотики; девочки, поставляемые Папе Римскому; вино, поставляемое персидскому шаху* и т.д.

Известно, что фразеологизм восходит к библейскому мифу о древе познания добра и зла, срывать плоды которого Бог запретил Адаму и Еве [8, Быт. 2: 9; 2: 16–17; 3: 6; 3: 23; 9: 540; 13: 184 и др.]. Развитие эврисемичности рассматриваемого фразеологизма сопровождается его отрывом от первоисточника. Переосмыслению прототипа могут способствовать и экстралингвистические факторы, в частности, изменение мировосприятия, кризисное мироощущение человека эпохи рубежа веков. Начало XX века – это эпоха, когда переосмысливаются основные этические и эстетические доминанты [см.: 7]. Причем заметно возрастает интерес к Библии как к источнику человеческой мудрости.

Анализ поэтического материала «серебряного века» (текстов Д. Мережковского, Н. Гумилева, Вяч. Иванова, М. Цветаевой, А. Присмановой и др.) показал, что разного рода преобразования могут быть усложнены изменениями в структуре самого образа фразеологической единицы, а значит, изменением ее семантики. Это позволяет нам выдвинуть гипотезу: в поэзии «серебряного века» внутренний образ библейского фразеологизма полностью или частично переосмысливается, что связано с особенностями мировоззрения, мировосприятия поэта. Фразеологизм становится как бы основным элементом в построении поэтического текста, реализующего религиозно-философскую и / или этическую концепцию автора. Высказанные предположения рассматриваются далее на примере переосмысления образа фразеологизма *запретный плод* в стихотворении М. Цветаевой «Сахара» [29: 207–208].

По нашему мнению, содержание данного произведения в основном перекликается с концепцией С.Н. Булгакова [11] и основывается на архетипах К. Юнга [32]. Приведем текст стихотворения: *Красавцы, не едите! Песками глуша, / Пропавшего*

без вести / Не скажет душа. / Напрасные поиски, / Красавцы, не лгу! / Пропаший покоится / В надежном гробу. / Стихами как странами / Чудес и огня, / Стихами – как странами / Он въехал в меня: / Сухую, песчаную, / Без дна и без дня. / Стихами – как странами / Он канул в меня. / Внимайте без зависти / Сей повести душ. / В глазные оазисы – / Песчаная сушь... / Адамова яблока / Взывающий вздрог... / Взяла его наглухо, / Как страсть и как Бог. / Без имени – канувший! / Не сыщете! Взят. / Пустыни беспмятны, – / В них тысячи спят! / Стиханье до кипени / Вскипающих волн. – / Песками засыпанный, / Сахара – твой холм.

В содержании стихотворения четко выявляется два начала мира – мужское и женское (*анима / анимус*). Внешнюю установку, внешний характер К. Юнг называет *персоной*, внутреннюю установку, внутреннее лицо обозначает словом *анима* или *душа*. Согласно концепции К. Юнга, «характер души влияет <...> на половой характер <...>. Женщина, в высшей степени женственная, обладает мужественной душой; очень мужественный мужчина имеет женственную душу. <...> мужские черты, будучи исключенными из внешней установки у женщины, стали свойствами ее души. Поэтому, если мы говорим у мужчины об *аниме*, то у женщины мы, по справедливости, должны были бы говорить об *анимусе*, чтобы дать женской душе верное имя» [33: 511–513]. Говоря о понятии *душевный образ* как разновидности психических образов, создаваемых бессознательным, Юнг отмечает, что «обычно у мужчин бессознательное изображает душу в виде женского лица – *анимы*, у женщин в виде мужского – *анимуса*. <...>. Для мужчины в качестве реального носителя душевного образа больше всего подходит женщина, вследствие женственной природы его души, для женщины же – больше всего подходит мужчина» [33: 514–515]. С точки зрения творчества мужское начало – зачинательное, это дух, женское начало – воспринимающее, вынашивающее и рождающее – душа [см.: 11: 264]. У Цветаевой женское – изначально пустота. Заметим, что для поэтессы весьма характерным было стремление углубиться в пустоты тела, желание проникнуть во внутреннее его пространство. «Она выворачивает тело наизнанку, предъявляя взору

не физический объект для рассмотрения, а нечто, невидимое для общего взгляда» [23: 249].

Именно внутренняя пустота побуждает к поискам зачинательного начала, способного наделять тело внутренней жизнью (энергией). «Цветаева воспринимала мир как место, где мужчина наделяет властью устанавливая смысл вещей, однако в своей поэзии и эссеистике она стремилась наделять жизнь женщины силой и правом на творчество» [23: 235]. В цветаевском понимании лишь мужское начало способно возбудить в женщине творческую душу (потенцию к творчеству). Необходимо соединение двух начал: *Стихами как странами / Чудес и огня, / Стихами как странами / Он въехал в меня: / Сухую, песчаную, / Без дна и без дня. / Стихами – как странами / Он канул в меня*. Происходит как бы творческое совокупление между Адамом и лирической героиней, в результате которого женское начало наполняется жизнью, душой. Изначально мертвая, пустая, теперь она духоносна. Женщина становится способной сама дарить жизнь и быть оракулом.

Образ *плода* здесь выступает как решающий, как некое условие для значительного изменения, переворота в судьбе человека, в частности – женщины-творца. У Цветаевой данный образ конкретизирован, сведен до образа «*адамова яблока*». Интересно, что, хотя плод, «которым искусили Еву в райском саду, в Библии не назван, яблоко было первым фруктом, на который пал выбор позднейших толкователей Священного Писания» [26: 427–428]. Трансформация образа *плода* в рассматриваемом стихотворении ведётся в плане следующего переосмысления: а) *плод* – жизнь, зарождающее начало; б) *плод* – семя, способное породить (взрастить) творческий дух (творческое начало). Следовательно, *плод* желанен, необходим как удовлетворение жаждущей природы, способной жить, создавать, творить. В данном произведении *плод* имеет двух носителей: изначально Адама, затем – лирическую героиню: *Адамова яблока / Взывающий вздрог ... / Взяла его наглухо, / Как страсть и как Бог*.

Взяв и замкнув в своей плоти духоносное начало, теперь она (лирическая героиня) вынашивает его, чтобы затем родить творческое и стать творческой, сильной,

гениальной натурой. Таким образом, дух перерастает в творчество. Адам же исчезает; он не нужен, так как это уже не его, а её плод.

Характеризуя гетевского Прометея, К. Юнг определяет его как «созидателя» и «творца». «Гетевский Прометей творит, и творчество его направлено во внешний мир, он наполняет пространство образами, которые оформлены им и оживлены его душой, он населяет землю созданиями, порожденными его творчеством; и в то же время он является учителем и воспитателем людей» [33, 223]. Все эти качества Прометея в какой-то степени характерны для Цветаевской лирической героини, ибо она творец и направляет свое творение во вне своей только что приобретенной «мужественной души». Однако у Цветаевой не мужчина выбирает себе «госпожу» для выражения образа своей души (как это есть у Юнга – «Душа мифологического Прометея имеет отношение к Пандоре или Афине, так же как и у Гете» [33: 224]), а сама «госпожа» отправляется на поиски, находит и берёт её у мужчины. Душа мужчины (дух) утрачивает индивидуальное выражение со своим переходом во всеобщий символ – символ творчества: *Без имени – канувший! / Не сыщите! Взят. / Пустыни беспмятны, – / В них тысячи спят!* Цветаева попыталась реализовать свою идею о возможности творческого начала не только в мужском, но и в женском объекте. «Ее работы подтверждают, что женское существо, как и мужское, способно вдохновлять и воплощать поэтическое слово» [23: 235].

Таким образом, переосмысление образа и фразеологизма у М. Цветаевой происходит не только на фоне переработки самой христианской системы, но и на базе собственных творческих принципов. Ее концепция основывается на юнгианском мифологическом архетипе *анимы* и *анимуса*, в результате чего цветаевский *плод* – это мужская душа, наделённая силой творчества. Ее *плод* желанен и доступен женщине, ибо женщина, в ее понимании, так же, как и мужчина, может обладать творческим началом.

Проведенный анализ позволяет заключить, что специфика фразеологического значения как значения эврисемичного объясняется особенностями фразеологического образа, сложного по своей внутренней

структуре, наглядного, эксплицированного и детализированного, и это предопределяет особенности узуального и возможности окказионального употребления фразеологизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение в системе семантических единиц других уровней языка // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. – Кишинев, 1982. – С. 176–180.
2. Алефиренко Н.Ф., Валюх З.О. Теоретические основы фразеографической репрезентации формально-содержательной вариантности фразеологизмов // Проблемы русской и общей фразеографии. – Новгород, 1990. – С. 23–32.
3. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М., 2008.
4. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов-на-Дону, 1964.
5. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М., 1988.
6. Бабкин А.М. Идиоматика и грамматика в словаре // Современная русская лексикография. 1980. – Л., 1981. – С. 5–43.
7. Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. – М., 1997.
8. Библия: книги священного писания Ветхого и Нового Завета: канонические / в русском переводе с параллельными местами и словарем. – М., 1998.
9. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / под ред. В.М. Мокиенко. – М., 2005.
10. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – М., 2006.
11. Булгаков С.Н. Свет невечерний: созерцание и умозрения. – М., 1994.
12. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972.
13. Грановская Л.М. Словарь имен и крылатых выражений из Библии. – М., 2003.
14. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: Дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000.
15. Добрыднева Е.А. Современная русская фразеология: категориальные признаки и коммуникативные свойства: учебное пособие. – Волгоград, 1998.

16. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов: учебное пособие. – М., 1978.
17. Кунин А.В. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1964.
18. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов: научная монография. – Курган, 1999.
19. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учебное пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». – М., 1989.
20. Назарян А.Г. Семантическая моделируемость фразеологизмов: реальность или фикция? // Филологические науки. – 1983. – № 6. – С. 34–40.
21. Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры: учебное пособие. – Пермь, 1990.
22. Ратушная Е.Р. К проблеме структурности фразеологического значения (на материале фразеологизмов, обозначающих лицо) // Семантика русских фразеологизмов: сб. науч. тр. проф.-преп. состава филол. фак-та Курганского гос. ун-та / отв. ред. Е.Р. Ратушная. – Курган, 2003. – С. 60–71.
23. Сандлер С. Тело и слово: гендер в цветаевском прочтении Пушкина // Русская литература XX века: исследования американских ученых. – СПб., 1993. – С. 234–257.
24. Солодуб Ю.П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений // Филологические науки. – 1997. – № 5. – С. 43–54.
25. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
26. Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. – М., 1999.
27. Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. – Новосибирск, 1973.
28. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. – СПб., 1994.
29. Цветаева М. Сахара // М. Цветаева. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2: Стихотворения. Переводы / сост., подг. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М., 1997. – С. 207–208.
30. Черданцева Т.З. Язык и его образы: очерки по итальянской фразеологии. – М., 1977.
31. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М., 1998.
32. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Киев, 1996.
33. Юнг К.Г. Психологические типы. – М., 1998.

T. Shikhova

EUROSEMIC PHRASEOLOGICAL MEANING: REFLECTION IN LANGUAGE AND SPEECH

Abstract: Eurosemic phraseological meaning as a phraseosemantic category is shown. Peculiarities of reflection of eurosemics in language and speech with the help of the phraseological unit *Forbidden fruit* are revealed. Specific features of occasional transformation of the primary image of the phraseological unit are analysed on the base of the poem “Sahara” by M. Tsvetaeva.

Key words: Phraseological unit, phraseological meaning, eurosemics, usage, actualization, initial image, inner form, transformation, occasional transformation.

УДК 482-56

Южакова Ю.А.

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВИДЫ
КОНСТРУКЦИЙ ТОЖДЕСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ***

Аннотация: Категория тождества в русском языке предполагает два семантических варианта: тождество предмета самому себе и идентичность различных предметов. Каждый из подвидов тождества

реализуется в определенных структурно-семантических разновидностях, которые названы в работе и проиллюстрированы примерами.

Ключевые слова: русский язык, категория тождества, идентичность, неизменность.

* © Южакова Ю.А.